

Карен СТЕПАНЯН

«МЫ НА ЗЕМЛЕ СУЩЕСТВА ПЕРЕХОДНЫЕ...»

(О «реализме в высшем смысле»)

Мне уже приходилось говорить и писать (в частности, в докладе на юбилейной конференции в 1996 г. в Москве, в работах, опубликованных в альманахе «Достоевский и мировая культура», №№ 9 и 10¹) о том, какой смысл я вкладываю в понятие «реализм в высшем смысле», которое Достоевский употреблял для характеристики своего творческого метода (27; 65). Поэтому здесь позволю себе напомнить об этом лишь несколькими фразами. По моему мнению, это такой художественный способ изображения и постижения действительности, при котором бытие предстает в своем целом — и на физическом, и на метафизическом уровнях, причем метафизический — «миры иные», где, как сказано в «Братьях Карамазовых», находятся «корни наших мыслей и чувств» — столь же *реален*, как и физический. Иными словами, сквозь земную судьбу каждого человека «просвечивает» его личный путь к спасению (или уход от благодати), происходящий в *реальном присутствии* Христа, Богородицы, небесных сил и энергий. То же относится ко всему мирозданию в целом. Естественно, это проявляется на всех уровнях художественного текста: философско-идеологическом, сюжетном, композиционном, повествовательном и других.

В своих предыдущих работах я пытался приложить эту концепцию к анализу романа «Идиот». В данной статье мне хотелось бы сосредоточиться на творческой истории и самом тексте романа «Бесы». Как уже давно отмечено исследователями, эти два романа объединяет не только то, что они восходят к замыслу «Жития Великого грешника». Главные герои их, Мышкин и Ставрогин, первоначально развивались как бы из одного корня², причем Мышкин Подготовительных материалов (ПМ) больше был похож на «романного» Ставрогина, а Ставрогин на начальной стадии — на «романного» Мышкина. Это и позволяет мне рассматривать эти два романа как два ответвления одного метасюжета, два пути решения одной проблемы.

Проблема эта, главная, на мой взгляд, для Достоевского — постижение тайны человека и его отношений с мирами иными. По мнению Достоевского, человек в его современном состоянии на земле — существо развивающееся, переходное — к будущей райской жизни в Царствии Божьем (запись в ночь смерти Марьи Дмитриевны — 20; 172-175). То есть существо, изменяющееся во времени (которое Достоевский определял как «отношение бытия к небытию»), движущееся к определенной цели и проходящее определенные этапы (все человечество и каждый отдельный человек — с разной «скоростью»). Какова будет «будущая природа будущего существа» он, конечно, мог лишь догадываться, но, в соответствии с православной традицией, полагал, что преобразится не только духовная, но и телесная природа человека. Поэтому, говоря о всем спектре его отношения к концепции Чернышевского и роману «Что делать?», мы не можем не выделить острой полемической реакции на само понятие «новые люди», заявленное уже в заглавии романа Чернышевского и последовательно развиваемое в этом произведении, захватившем умы столь многих людей в России, особенно среди молодежи. «Новые люди» Чернышевского (как и весь роман, и известная диссертация его) явились кульминацией наступившей в России «борьбы за торжество реальности»³ — реальности физического, материального мира. «Позитивная религия» Конта, натуралистический материализм Фейербаха, философия французских утопистов и теории их российских последователей, казалось многим, знаменовали начало «новой эпохи». Эпохи, когда слово «действительность» стало равнозначно слово Бог» (Белинский) и никакой идеал не мог быть выше этой действительности, когда, в соответствии с теорией «реабилитации плоти», *физическое тело* провозглашалось «сущностью личности»⁴, когда люди окончательно теряли ориентировку в мироздании: человек претендовал на место Бога, а Христос, как утверждалось, был не более чем исторической личностью, заступником угнетенных, и, появившись Он на земле сегодня, «примкнул бы» к «двигателям человечества» — Жорж Занд, Кабету, Леру и Прудону (21; 11). Сравнение революционных вождей с Христом уже не шокировало, а Чернышевский назвал своих героев «солью соли земли», поставив их тем самым выше святых апостолов. Как пишет И. Паперно, «в трудах Консидерана и других французских христианских социалистов (которые являлись позитивистской ветвью «нового христианства» Сен-Симона)» происходила своеобразная «инверсия богословского понятия об отношениях человека с Богом: согласно новой вере обожествляется не Бог, вочеловечившийся в Сыне, а созданный по Его образу и подобию человек, который призван стать Богом».⁵

Естественно, все это не могло не вызвать противоддействия Достоевского. О том ответе его, который был дан в романе «Идиот», уже писали исследователи⁶ — и хотя со многими их суждениями можно было бы поспорить, не это является сейчас моей задачей. Почти не обращается внимание на другое — что в романе «Бесы» предполагалось дать ответ «нигили-

стам» не только памфлетным изображением их, но и постановкой образов подлинно «*новых людей*», в христианском смысле, прежде всего Ставрогина и Даши (в Подготовительных материалах — Князь и Воспитанница): «Главная же идея (то есть пафос романа), — записывал Достоевский уже в феврале 1870 г. — это Князь и Воспитанница — *новые люди*, выдержавшие искушение и решающиеся начать новую, обновленную жизнь» (11; 98). Возможно, *новым человеком* должен был стать и Шатов. Эти люди путем самоисправления и самоочищения должны были переродиться в соответствии с христианским идеалом — «изменится плоть ваша» (это понятие употребляется и в Евангелии: «облечься в нового человека» — Еф., 4:24). Тема персрождения, прсображения плоти являлась одной из центральных в течение всей работы Достоевского над романом, как о том свидетельствуют ПМ (11: 103, 112, 113, 117, 126, 168, 184 и т.д.)*. Наиболее полно и подробно говорят об этом Шатов и Князь (Ставрогин). Шатов: «Да Христос и приходил затем, чтоб человечество узнало, что знания, природа духа человеческого может явиться в таком небесном блеске, в самом деле и во плоти, а не то что в одной только мечте и в идсале, что это и естественно и возможно. Этим и земля оправдана. Последователи Христа, обоготворившие эту просиявшую плоть, засвидетельствовали в жесточайших муках, какое счастье носить в себе эту плоть, подражать совершенству этого образа и веровать в Него во плоти.

Другие, видя, какое счастье дает эта плоть, чуть только человек начнет приобщаться ей и уподобляться на самом деле ее красоте, дивились, поражались, и кончалось тем, что сами желали вкусить это счастье и становились христианами и уж радовались мукам. Тут именно все дело, что Слово в самом деле плоть бысть. В этом вся вера и все утешенье человечества, от которого оно никогда не откажется <...>» (11; 112-113). Князь: «Мы очевидно, существа переходные, и существование наше на земле есть, очевидно, непрерывное существование куколки, переходящей в бабочку. Вспомните выражение: «Ангел никогда не падает, бес до того упал, что всегда лежит, человек падает и восстанет». Я думаю, люди становятся бесами или ангелами. Говорите: несправедливо наказание вечное, и пищеварительная французская философия выдумала, что все будут прощены. Но ведь земная жизнь есть процесс перерождения. Кто виноват, что вы переродитесь в черта. Все взвесится, конечно. Но ведь это факт, результат — точно так же, как и на земле все исходит одно из другого. Не забудьте тоже, что «времени больше не будет», как клялся ангел. Заметьте еще, что бесы — знают. Стало быть, и в загробных натурах есть сознание и память, а не у одного человека, — правда, может быть, нечеловеческие. Умереть нельзя. Бытие есть, а небытия вовсе нет» (11; 184).

* Здесь стоит отметить, что в романе «Что делать?» тоже идет речь о преобразении материальных объектов и даже людей (в снах Веры Павловны) — но понимаемом материалистически, не более как перестановка атомов: «нужно немного перемешать расположенные атомы и выйдет что-нибудь другое».

И не случайно в русле одной из главных тем, пронизывающих ПМ — темы Апокалипсиса — возникают имена Ильи и Эноха (11; 168). Эти ветхозаветные пророки до своего апокалиптического сражения со зверем, описанного в главе 11 «Откровения Иоанна Богослова», были единственными из людей — кроме Богородицы, естественно — кто после смерти был взят на Небеса в своем *земном теле* — соответственно, преображенном. Возможно, упоминание имен Ильи и Эноха было связано с тем противостоянием духу антихриста, которое должны были выдержать Князь и Шатов. От этого замысла в романе, мне кажется, остались некоторые детали. Так, по подсчетам Л.И.Сараскиной, действие романа длится 42 дня⁷ (ср. сорок две недели, в течение которых язычники будут «попирать святой город» перед приходом зверя с коим сразятся Ильх и Энох — Откровение, 11:2). В этой связи можно понять и сведения о том, что между своим первым и последним приездами домой Ставрогин был в Иерусалиме, «на Афоне выстаивал восьмичасовые всенощные» и побывал с ученой экспедицией в Исландии (10; 45-11; 20). В той же книге «Бьсы: роман-предупреждение» Л.И. Сараскина показала, что Исландия здесь скорее всего связана с «Путешествием в недра Земли» Жюль Верна⁸. Но в знаменитой апокрифической «Книге Эноха», которую, конечно, знал Достоевский, как раз и повествуется о том, как Энох был восхищен на Небеса и видел самые мрачные обиталища грешников и райские пространства — то есть «недра Земли» и Афон.

Но гораздо более важными кажутся мне две другие, связанные с этими именами, проблемы. Заметим, что в процитированном выше высказывании князя из ПМ прозвучало: «люди становятся бесами или ангелами». Потенциальная двунаправленность пути спасения человека: возможность, наряду с вознесением к свету, и падения в бездну — что обусловлено дарованной ему Господом свободой воли — постоянно была в поле зрения Достоевского. Я уже писал об амбивалентности титула Князь и редчайшей амбивалентности имени Лев применительно к Мышкину⁹ (здесь можно отменить в скобках, что Мышкин — вернее, его «потомок» в творческом сознании Достоевского — появляется в «Бесах» в облике... Игната Лебядкина — генеалогию можно проследить через непосредственного «предка» Лебядкина, капитана Картузова, имеющего еще много «мышкинских» свойств и неоднократно названного в ПМ Дон Кихотом — 11; 31, 39, 54-55). В процессе работы над «Бесами» первоначальный замысел — показать процесс возникновения подлинно «новых людей» — был отвергнут. От него осталось только ироническое причисление Ставрогина к «новым людям» клубными «старичками» (10; 233). Основным для Достоевского стало именно осмысление пути падения человека — который совершают почти все персонажи романа. И второе: главным делом Ильи и Эноха в их ветхозаветном бытии было противостояние язычеству, идолопоклонству. А в ПМ к «Подростку» — об этих пророках будет вспоминать Достоевский и после «Бесов», вплоть до «Братьев Карамазовых» — говорится: «Во вре-

мя Макаровых прений об Илье и Энохе. О том, что будущий антихрист будет пленять красотой. Помутится источник нравственности в сердцах людей, зеленая трава иссохнет» (16; 363). Так вот, главным искушением на пути преображения человека в «Бесах» становится искушение ложно понятой красотой — сго не выдерживает почти никто. («Некрасивость убьет», — говорит Тихон Ставрогину).

«Одна красота есть цель, для которой живет человек» (11; 233), — провозглашает в ПМ Степан Трофимович. Но какая красота? «Красота — страшная сила», тут дьявол с Богом борется, как писал впоследствии Достоевский, есть в ней, следовательно, зло и добро, и если первое, то есть зло, побеждает, то красота, указывал В.Н.Лосский, «замыкается сама в себе и своей магией приковывает к себе человека». ¹⁰ Не случайно в «Идиоте» так и не проясняется до конца, произносил ли в самом деле Мышкин столь растиражированную ныне фразу «Мир спасет красота» — и какую именно красоту он имел в виду (8; 317). Не случайно Мышкин, глядя на портрет Настасьи Филипповны, восклицает: «Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Все было бы спасено!» (8; 32). (Похожий эпизод с рассматриванием портрета Лизы Тушиной есть и в «Бесах» (10; 89).) В известном смысле именно отсутствие подлинной доброты у двух красавиц — Настасьи Филипповны и Аглаи — привело к краху судьбы всех героев. Подлинная, полностью очищенная от зла красота — Небесная, постигаемая лишь с помощью Святого Духа. Вот как говорится об этом в ПМ к «Бесам»: «Дух Святой есть непосредственное понимание красоты, пророческое сознание гармонии, а стало быть, неуклонное стремление к ней» (11; 154). И записанную вскоре после этого мысль: «Мир станет красота Христова» (11; 188) можно считать завершением спора о красоте, начатом в «Идиоте» (и продолжающимся в сознании многих до сих пор). Но в самом романе «Бесы» повторяю, искушение красотой не выдерживает почти никто. В своей давней работе «Петр Верховенский как эстет» Р.Г.Назирова выделил три типа «эстетизма» в романе: «моральный эстетизм» Ставрогина, «романтический эстетизм» Степана Трофимовича и «эстетизацию насилия» у Петруши. ¹¹ Все эти три вида эстетизма, обольщения красотой, — собственной красотой, красотой своего превосходства над окружающими, красотой своего поведения и своей позиции и красотой своих действий по переустройству мира, имеют общим истоком — и эти темы усиленно разрабатываются в ПМ — 1) гипертрофированное развитие личности и 2) диктат ума, оторвавшегося от Бога и установившего свою власть над человеком.

Как гласит святоотеческая традиция, «зло не есть природа, но состояние природы <...> Зло есть бунт против Бога, то есть позиция личностная. Таким образом, зло относится к перспективе не сущностной, а личностной» ¹². Следовательно, полное зло — это когда остается только личность и нет сущности (Григорий Нисский писал: тот, кто подчиняется злу, как бы существует в несуществующем), когда же личность полностью сливается

с сущностью — это райское состояние. Так, кстати, становятся понятны слова Достоевского из Записных тетрадей о Лермонтове: «Лермонтов <...> *давление личности самой на себя*» (21; 267). Ставрогина не случайно многие окружающие его называют идиолом. Это действительно человек, вначале захотевший стать выше всех окружающих, а потом искренне поверивший в это (в ПМ он рассуждает: «Удивляюсь, что я не могу жить, как другие: как мать, как Граф, как Гр<ановский>, Губернатор, Великий писатель. (Ответ: потому что выше их)» (11; 134-135). Но по законам онтологии «реализма в высшем смысле», у человека, вознесшегося над другими, тут же уходит из-под ног почва. Становясь беззащитным — ибо потеряна связь с Сущностью — он совершает самый страшный грех: грех самообожествления, поддавшись на шептыванию «премудрого змия»: «будете сами как боги» (я думаю, название пятой главы первой части романа — вовсе не аллегория и не метафора, и не относится ни к Ставрогину, ни к Петруше — а к незримо действующем тому, кто и обозначен тут — «премудрому змию»). Не случайно Ставрогин в ПМ постоянно сравнивается с Христом: говорит и действует «как власть имеющий» (11; 154, 175). Отмечу, кстати, что парусу в горделивом самовозвеличении составляет Лиза — по ПМ «Лермонтов в юбке» (11; 197). Интересно в этой связи, что с Нечасвым-Петрушей Ставрогин знакомится именно через Лизу. Поэтому и вера его — которой на многих этапах работы над романом он еще обладал, вплоть до фанатизма — постоянно сопряжена со злобой и отвращением к людям, а значит, по определению, лишь «кимвал бряцающий». Вера таких людей — лишь высшее проявление гордыни (только я и Бог, остальные — внизу), а потому, как пишет Достоевский, они постоянно мечутся между двумя полюсами: «Или рабство, или владычество» (11; 126). В результате через «наклонность к безграничному владычеству» приходят в рабство к страшному зверю. Одно из имен зверя названо тут же, в ПМ:

«Апокалипсис.

— Сообразить, что значит зверь, как не мир, оставивший веру; ум, оставшийся на себя одного, отвергший, на основании науки, возможность непосредственного сношения с Богом, возможность откровения и чуда появления Бога на земле» (11; 186).

«Ум, оторвавшийся от Бога», становится главным губителем Ставрогина, а через него — и остальных персонажей. Ведь, в отличие от Мышкина, который одаривал окружающих любовью и состраданием, Ставрогин «дарит» идеи. Идеи подчас «противоположные» — ибо подобный ум, неизбежно претендующий, после забвения Бога, на господство над Вселенной, может бродить в самых разных направлениях и достигать непредсказуемых и страшных результатов. Здесь важно отметить следующее. Губительность идеи, «вложенной» Ставрогиным в сознание Кириллова, вроде бы не нуждается в доказательствах. Но ведь губительна и языческая по сути доктрина полного слияния национальной идеи с православной, внушаемая Ставрогиным Шатову. Шатова она не привела к подлинной вере, а

скорее, лишь удалила от нее. Равно как искусительной является и мысль Ставрогина о том, что с развитием просвещения может угаснуть вера, ибо «возможно ли веровать» просвещенному человеку (11; 178-179). (Идеи эти и по сию пору являются соблазном для многих читателей Достоевского, полагающих, что они разделяются самим автором: между тем опровержение первой из них — национальной — записано тут же, в ПМ: «Славянофил думает выехать только свойствами русского народа, но без православия не выедешь, никакие свойства ничего не сделают, если мир потеряет веру» (11; 186), а опровержением второй является весь «реализм в высшем смысле», основанный на непосредственном, а не умственном сообщении с Богом.) Зато обе эти идеи закономерно приводят Ставрогина — Князя в ПМ — к Петруше-Нечасву. Ведь если вера с развитием просвещения неизбежно рано или поздно «угаснет», — рассуждает Князь, — лучше «скорей» — уже сейчас «все сжечь» (11; 179). Что же касается национально-православной идеи, то, как опять же говорит Князь, Европа «войдет своим живым ручьем в нашу струю, а мертвую часть свою, обреченную на смерть, послужит нашим этнографическим материалом» (11; 167). Оба конечных действия тут и составляют программу Нечасва-Петруши.

Не случайно также, что в этих рассуждениях Князя появляется и формулировка: «научная нравственность» (11; 178), вера, построенная на научных основаниях. Это апелляция не просто к модным тогда теориям «прогрессистов» — но к учению, гораздо более основательному и страшному (от которого все эти прогрессивные теории ведут свою родословную) — к гностицизму. К учению, претендующему на постижение Христа и всех тайн мироздания с помощью разума, глубокого и скрытого знания. По свидетельству авторитетного исследователя этого учения, «гносис минус христианство остается гносисом»¹³ — то есть подлинного христианства там нет (хотя имеется претензия на «истинное христианство»). Родиной гностицизма всегда считался Египет. Обратимся опять к той же 11 главе «Откровения»: здесь сказано, что зверь, победив на время «двух свидетелей» Божиих, Илью и Эноха, «трупы их оставит на улице великого города, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят» (Откровение, 11: 8). Господь был распят в Иерусалиме, но вновь и вновь Его распинают на духовном пространстве блуда и так называемого эзотерического тайного знания — гностицизма. Не случайно в обоих рассказах о путешествиях Ставрогина — и от повествователя, и в «Исповеди» — сказано, что он побывал и в Египте (10: 45 — 11: 20).

Тут возникает еще один важный вопрос, пока не разрешенный для меня. Почему — при столь очевидных параллелях между Мышкиным и Ставрогиным — первый в конце романа сходит с ума, а про второго специально сказано: «Наши медики по вскрытии трупа совершенно и настойчиво отвергли помешательство» (10: 516)? (Кстати в ПМ мотив сумасшествия варьируется очень широко: сойти с ума, предполагалось, могли и Шатов и Лиза, не исключен был такой исход и для Князя, да и в окончательном тек-

сте это подозрение на сумасшествие Ставрогина часто возникает — но в итоге Ставрогин до последней минуты остается «в уме»). Пока могу ответить на это лишь так: безумие — некая пограничная сфера между Церковью и окружающим миром, которая, как и красота, заключает в себе и благодать, и зло. Есть высокое безумие Христа ради — безумие Апостолов, «юродством проповеди» спасавших верующих — и безумие, отделяющее человека и от людей, и от Бога (вспомним пушкинское «Не дай мне Бог сойти с ума...»: «и я глядел бы, счастья полн, в пустые небеса»), безумие бесноватых. Безумие Мышкина — и вообще безумие в «Идиоте» — ближе к первому, безумие Ставрогина — при отсутствии признаков болезни — ко второму.

Но говоря о судьбе Ставрогина и судьбах остальных персонажей романа, нельзя не сказать, что они, по ходу действия романа, переживают некую кризисную точку, точку смерти, распятия, от которой — как в судьбах двух разбойников, распятых вместе с Христом — возможен или путь наверх, к свету, или вниз, в бездну. Не случайна в ПМ фраза: «На том кресте не одна крестная смерть была» (11; 268). Когда я изучал ПМ, меня заинтересовал вопрос: с какого момента главный герой, — который очень долго именуется в черновиках Князем — получает свою столь значимую фамилию — Ставрогин? Оказалось: впервые она появляется в подписи под его письмом Тихону (11; 194). Думается, с момента выхода Ставрогина в отставку, когда он в Петербурге «куда-то как бы спрятался» (10; 36) и его непостижимым образом *увидел* в далеком монастыре Тихон (11; 7) — вспомним, именно с той поры мать его, Варвара Петровна, стала носить черное — и до свидания с Тихоном длилась его духовная смерть, распятие, после которого — когда он уходит от Тихона «в бешенстве» (11; 30) — последовал Иудин путь в бездну (кстати, такой способ самоказни тоже возник в конце подготовительной работы — до этого Князь застреливался). Но есть в романе и пример иного рода — Степан Трофимович. Пережив глубину «некрасивости» и падения в сцене разоблачения письма о «чужих грехах», и достойно выдержав это распятие, он начинает свой чудесный путь наверх. Чудесный, ибо не в какие реалистические — в традиционном смысле — каноны создания «образа» не укладывается, чтобы человек, в начале романа заявлявший: «Россия есть <...> великое недоразумение» (10; 33); «О, русские должны бы быть истреблены для блага человечества, как вредные паразиты» (10; 172) — в конце его произносил такой исполненный величия и веры гимн своей Родине, по сути и выражающий основную идею романа, как это происходит со Степаном Трофимовичем перед смертью. (Кстати, первоначально Достоевский предполагал, что Верховенский-старший будет читать Нагорную проповедь, но потом передоверил ему тот текст Евангелия от Луки, из которого и вырос роман.) Вспомним, что и сам Достоевский пережил такой «кризис смерти» на Семеновском плацу.

В заключение — несколько слов о сюжете, композиции и принципах повествования в романе.

Роман начинается со сцены построения Вавилонской башни желающих «свергнуть» Бога людьми (в поэме Степана Трофимовича). Затем — в метафизическом сюжете романа — следует страстное желание Степана Трофимовича, чтобы на предстоящей неделе не было *воскресенья*. И вот именно в это воскресенье, которое хотели «отменить» — после сцены в церкви (единственной во всех пяти романах Достоевского!), где большинство прихожан заняты своими земными проблемами — в город и врываются главные бесы — Ставрогин и Петруша, начинается то бесовское овладение городом и телами его жителей, которое и приводит к финальной катастрофе, выразившейся в святотатстве: мыш, подложенная в икону Богородицы. Святой Иоанн Дамаскин говорил: «Наименование «Богородица» (Θεοτοκος) содержит всю историю Божественного домостроительства в мире»⁴; мыш же — знак разрушения. Божественный мир в городе — по воле его жителей, поддавшихся бесам, — разрушен.

Об онтологической композиции романа можно говорить, исходя из структуры: Господь как Центр мира — человек как храм Божий — окружающий каждого человека мир. В «Идиоте» и в «Бесах» представлены, на мой взгляд, два резких *искажения* мирового равновесия. Мышкин, от собственной *полноты*, спешит наполнить каждого из окружающих его, тем самым как бы замыкая центр на себя, забывая о подлинном Центре мира. Ставрогин, от собственной *пустоты*, судорожно обращается ко всем и ко всему, у кого и где, как ему кажется, есть твердая почва, сущность, — опять-таки забывая, или вернее, не желая обратиться к подлинной Сущности. (Вспомним, что «искание точки твердой опоры», «состояние колебания» должно было «составлять» весь роман о Великом грешнике — 9; 129-130.) Подлинное онтологическое равновесие Достоевскому, на мой взгляд, удалось воссоздать только в «Братьях Карамазовых». Именно здесь кризис Алеши Карамазова, грозивший крахом и ему, и окружающим (для многих из которых он является опорой) — разрешается в главе «Кана Галилейская», где появляется подлинный Центр мироздания: все сразу выстраивается правильно, и Алеша навсегда обретает постоянный источник силы в противоборстве со злом. Думается, если бы такой источник смог обрести Мышкин — его судьба, и судьба окружающих его людей сложилась бы по-иному. Отчего это не случилось, входило ли подобное «несобретение» в замысел Достоевского — пока загадка для меня.

Повествовательный строй романа схож с повествованием в Евангелии и вообще в Библии по нескольким «пунктам». Повествователь заранее заявляет о своем знании, не объяснимом с обыденной точки зрения: «Вообще если я описываю разговоры даже сам-друг — не обращайтесь внимания: или я имею твердые данные, или, пожалуй, сочиняю сам — но знайте, что все верно» (11; 92): «Я там их дело не знаю в Швейцарии, но сущность направления, философия, смысл действий определены у меня верно: за это ручаюсь» (11; 93). В своей книге «Искусство повествования в Библии» Роберт Алтер отмечает такие особенности: все важнейшее передано в диало-

гах, повествователь активен, но в то же время будто прозрачен: его действия не оказывают влияния на судьбу тех, о ком он рассказывает.¹⁵ Это может быть отнесено и к «Бесам». С некоторыми оговорками и дополнениями можно сказать и то, что повествование здесь выдержано в ключе, определенном Достоевским для «Жития Великого грешника»: «<...> владычествующая идея жития чтоб видна была <...> Чтобы в каждой строчке было слышно: я знаю, что я пишу, и не напрасно пишу» (9; 133).

И совсем уже в конце: я убежден, что сам принцип такого истолкования романов Достоевского — не мои конкретные разработки и находки, естественно, а сам принцип — не игра досужего ума, без такого видения и понимания невозможно уяснить подлинный смысл произведений Достоевского. В подтверждение приведу лишь одну цитату из тех же, уже неоднократно цитировавшихся здесь ПМ: «Эстетическое начало зависит от религии. Религия от себя самой, от откровения и непосредственного вмешательства Бога. Тайна Христова» (11; 152).

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ К пониманию «реализма в высшем смысле» // «Достоевский и мировая культура», № 9, М., 1997, сс. 28-35; К пониманию «реализма в высшем смысле» (на примере романа «Идиот»). Статья вторая // «Достоевский и мировая культура», № 10, М., 1998, сс. 54-64.

² Об этом писал **Г.С.Померанц** в своей книге «Открытость бездне. Встречи с Достоевским» (М., 1990, с. 263); говорила **Т.А.Касаткина** в докладе на юбилейной конференции, посвященной творчеству Ф.М.Достоевского, в Литературном институте им. А.М.Горького в октябре 1996 г. в Москве.

³ **И.Паперно**. Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996, с. 59.

⁴ Там же, сс. 56-58.

⁵ Там же, с. 167.

⁶ См., например: **Л.М.Лотман**. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л., 1974, сс. 244-262; там же литература вопроса.

⁷ **Л.Сараскина**. «Бьсы»: роман-предупреждение. М., 1990, сс. 20-24.

⁸ Там же, сс. 69-70.

⁹ См. упомянутую статью в альманахе «Достоевский и мировая культура», № 10, сс. 58-60.

¹⁰ **В.Н.Лосский**. Очерки мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991, с. 257.

¹¹ **Р.Г.Назиров**. Петр Верховенский как эстет. // «Вопросы литературы», 1979, № 10, с. 245.

¹² **В.Н.Лосский**. Очерки мистического богословия.... сс. 250-251.

¹³ **G. Quispel**. Gnosis als Weltreligion. Zurich, 1951, p. 28 (цит. по: **А.Хосроев**. Из истории раннего христианства. М., 1997, с. 265).

¹⁴ Цит. по: **В.Н. Лосский**. Очерки мистического богословия ... , с. 260.

¹⁵ **R.Alter**. The Art of Biblical Narrative. New York, 1981.